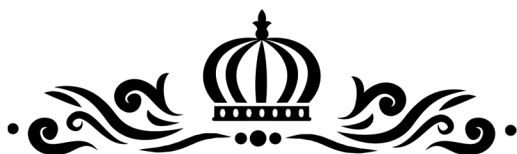

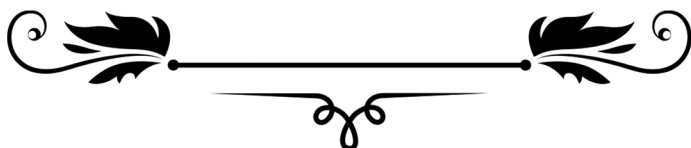
**ЛУЧШИЙ
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

ВЛАДИСЛАВ
БАХРЕВСКИЙ

АВВАКУМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б30

Дизайн обложки *Александра Воробьева*
Иллюстрация на обложке *Екатерины Фerez*

Бахревский, Владислав Анатольевич.
Б30   **Аввакум / Владислав Бахревский.** — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 608 с. — (Лучший патриотический роман).

ISBN 978-5-17-186079-0

Протопоп Аввакум — идеолог церковного раскола и лидер старообрядцев. Этот негибачаемый человек всю жизнь строго следовал принципам, в которые верил до последнего вздоха. Убежденный в своей правоте, он был готов рьяно истреблять нечестивцев и открыто выступать против патриарха и самого царя, за что поплатился саном, а затем и жизнью. Эта книга — летопись стойкости человеческого духа, истинной праведности и судеб обычных людей. Ведь даже в годы гонений, бунтов и войн, насущные человеческие проблемы остаются не менее важной частью истории.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186079-0

© Бахревский В.А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Памяти Владимира Ивановича
Мальшева*

Глава первая

1

В благороднейшем мафории цвета темной спелой вишни, на одном подоле звезд больше, чем на небе, в багряных чеботах, но рожа-то — прости, Господи! — мордастая, щеки потные, три подбородка — такой вот представил себе Аввакум византийскую императрицу Евдоксию, гонительницу святителя Иоанна Златоуста.

Ну а возле Никчемной вся ее послушная рать — Севериан Гавальский, Феофан Александрийский и прочая, прочая сволочь.

У Аввакума слезы из глаз покатались.

— Ты что, батька? — изумилась да и перепугалась Анастасия Марковна.

Аввакум отложил книгу, утер ладонями слезы, вздохнул всей грудью, приохнув.

— Так, Марковна! Так!

— Книга, что ли, тебя разобидела?

— Нет, Марковна, не книга — жизнь. Жизнь, Марковна. Ох, жалко!

— Да кого?

— Людей хороших. Вот скажи ты мне, за что Евдоксия на Златоуста ополчилась? За какую неправду?

— Не знаю, батька! — Анастасия Марковна бросила чулок со спицами на сундук, покрестилась на иконы. — Не знаю.

— И знать нечего! Не было ее, неправды! — Аввакум вскочил на ноги. — За правду хорошие люди страдают. За одну матушку-правду! Всей вины святителя — вдову с детишками хотел защитить. Мужа ее, вельможу, Евдок-

сия кознями на тот свет спровадила и не насытилась. Без хлеба, без крова пожелала сирот оставить. Все они — багряноносцы — этакие! Живут мезью да лезью.

— Батька! — Брови у Анастасии Марковны тревожно вскинулись. — Уж не равняешь ли ты себя со святителем Иоанном?

— А вроде бы так и есть, Марковна! Чужую одежду на себя примерял... Эх, гордыня проклятущая — пожиратель людишек!

Снова взял книгу, поцеловал раскрытую страницу.

— Знаю, велик грех, но сладостно, когда Бог за обиженного наказывает!.. Днем Златоуста осудили, а ночью дворец потрясен был гневом Господним. Вот уж побежала, чаю, Евдоксиюшка, бабища дурная! Вот уж побежала! А после второго суда над святителем — опустошение и огонь пожрали храм Святой Софии, а самой Евдоксии — была смерть. Полгода всего и тешилась, несчастная, своим гневом. А коли про меня, про нас с тобою, Марковна, подумать, то у нас многое похоже на жизнь святителя Иоанна. Златоуст за вдову заступался, так и мы, гонимые Иродом Московским, тоже за вдову понесли наказание, ибо церковь наша ныне воистину — вдовица.

И обрадовался.

— Вот об чем ныне в проповеди скажу... Не осуждаешь ли меня, Марковна? Воюю — я, а шишки поровну.

— Не отступайся, Петрович! Ни от Бога, ни от себя, — сказала жена. — Мы тебе в крепость даны, а не во искушение.

— Ну и слава Богу! — Аввакум улыбнулся, снял с деревянного гвоздя шубу, шапку. — Пойду погляжу, подметено ли в храме. Воевода на вечерню обещался с княгиней.

Снег был еще новый, еще жданный после осенних хлябей. Сам себе радовался!

Придерживая шапку, протопоп глядел на крест своей Вознесенской церкви.

Нежные, прозрачные облака уплывали на запад, и казалось, луковка с крестом, как корабль морской, летела по волнам, да все выше, выше.

— Вот уж воистину корабль!

И вдруг осенило: Тобольск тоже ведь похож на корабль. Подняв купола и кресты, город мчит по воде и по небу встреч великому свету нового пришествия.

— Поплывем во славу Божию, обходя мели и одолевая бури! — сказал Аввакум и поднял длань с двумя сложенными перстами, веруя в истину, любя и радуясь миру.

В праздники Иоанна Златоуста он всегда чувствовал в себе преображение. Он видел душу свою в строгих, прекрасных ризах, заранее приуготовленных к торжеству. И хоть было то видение сомнительно, он не гнал его прочь, сверяя, равен ли он плотью духу своему, не простоволос ли перед Богом и людьми.

В храм Аввакум вошел легкий на ногу, с легким сердцем — и остолбенел. В правом углу, под иконою «Животный источник», прелюбодей зело расстарался на прелюбодеице.

— Господи! — воскликнул протопоп, невольно попятившись.

Вскочили.

У мужика морда красная от позора, в пол глядит. А бабище хоть бы хны. Юбка спереди под душегрею закатана, портки бабы на полу лежат.

— Да как вы додумались в церкви грех творить?! — всплеснул руками Аввакум.

Баба продела валеночки в порты и, не торопясь, туда-сюда виляя задницей, натягивала потайную — не на погляд же ведь! — одежонку.

— Не осужай! — А сама протопопу в глаза глядит, губы алые, зубы ровные, как снег блестят.

— Не осужаю, а не потакаю! — сказал Аввакум, отвращиваясь от бабы, вполне смутясь ее бесстыдством.

Мужик засуетился, в пояс стал кланяться и до земли.

— Прости Господа ради, протопоп! Сатана попутал! Я и не хотел в церкви, Бога боялся. Подружка моя больно смела.

Аввакум молчал, не умея взять в толк сие немислимое разгульятство.

— Смилуйся! — снова кланялся и кланялся мужик. — Баба ведь хуже вина, коли пригубил, не остановишься.

— Да ведь праздник нынче большой — Иоанна Златоуста, — с укоризной сказал Аввакум, — а вы прелюбодействуете.

— Ну, заверещал! — засмеялась баба, все еще стоя заголясь — веревки на портках подвязывала. — Напраслину, протопоп, на нас наводишь. Ишь небылицу зате-

ял — прелюбодеи. Он — брат мне. А в церкви мы Богу молились.

— Враг Божий! — Аввакум аж ногою топнул. — Да ты вон веревку все еще на портках не подвязала. Сами вещи тебя обличают.

Баба затянула на шнуре бантик, подняла руки, и юбка наконец закрыла все ее прелести.

— Да где ж они, вещи твои, протопоп! Ку-ку! — И захохотала.

В ярости Аввакум выскочил из церкви, крикнул церковного служку и вместе с прибежавшим псаломщиком и отцом дьяконом отвел прелюбодеев в Воеводский приказ.

Повеселил протопоп приказную строку. Всяк пришел поглазеть на горемыку любовника. Возле него толпились, а глазами-то жрущими — на бабу. Лицом чистая, светлая, в глазах загадочка с усмешечкой. Сиськи и под шубой стоймя стоят. Высокая, стройная. С такой не согрешить — превеликая оплошка. Сидела баба на лавке свободно, товаром своим не похваляясь, но цену ему зная.

Сняли с любодея порты, смеясь, стегнули пяток раз.

Отпускали мужичка с напутствием:

— Поделом тебе! Ишь, день с ночью попутал.

— Ты шишку-то, еловую, кушаком прихватывай. Опять до шлепов доведет.

— Эх! — молодецки почесывали в затылке. — Ради таких баб любые шлепы потерпеть можно.

— Не хочешь быть битым — делись. Иная сучка краше денег.

Аввакум про то веселие не ведал. Сидел у приказчика Григория Черткова, товарища по должности Ивана Струны. А дьякон Антон, глядевший на казнь прелюбодея, не стерпел игривых слов приказных ярыжек.

— Кобель на кобеле, ржут по-лошадиному! Распустил вас Иван Струна, потому как и сам кобель. Ни одной сучки не пропустит... Стыда у вас нет! На бабу, как на пряник, облизываются.

Злость отца дьякона только пуще развеселила. А тут и Аввакум явился от Черткова весьма смущенный — гулящую бабу отдали ему под начало.

Злоба — работница стоухая, стоглазая. Сна не знает, устали не ведает. Ей хоть потоп, хоть пожар — не оставит своего дела. Да не то страшно! Страшно, что ей, тихоне, ничто человеческое не чуждо. В горе — горюет, в радости — радуется, а ножик-то наготове. И ведь как памятлива!

Иван Струна в отлучке был. Через неделю только приехал, и тотчас ему доложили: дьякон Вознесенской церкви Антон называл его, почтенного приказного дьяка, кобелем и бесчестил, говоря, что он-де, Иван Струна, ни одной сучки не пропустит и на всякую бабу облизывается, как на пряник.

— Да я бороду ему с морды на зад вихлястый перетяну! — заскрипел зубами Иван Струна.

Шептуну и то страшно стало: представил себе дьякона Антона с бородой не на своем месте.

Однако гнев этот, полыхнувший молнией по Тобольску, случился через неделю, а пока город судачил об Аввакуме, взявшемся за душеспасение красавицы блудницы.

Аввакум посадил ее в погреб, где стояли квашения. Погреб был сухой, но зело холодный.

Баба со зла матерщинничала, разговаривать по-хорошему не хотела. Протопоп велел узнать, как ее зовут, и первый же зевака из толкавшихся вокруг дома сказал: Гликерия.

Аввакум начал исправлять заблудшую рассказом жизни святой Гликерии.

— Да ведомо будет тебе, дурище, — говорил протопоп, сидя возле чуть сдвинутой крышки подпола, — наречена ты, матушка моя, именем, кое носила женщина высокого рода. Отец святой Гликерии служил градоначальником Рима, сиречь ближний боярин был. Впоследствии же он переселился во Фракию, в Троянополь, где и скончался.

— Мели, Емеля! — орала из подполья Гликерия Тобольская.

Аввакум прерывал рассказ, молился, читал Писание. Гликерии ругаться без толку надоело. И как только она умолкла, протопоп упрямо продолжил прерванную историю:

— Защитница твоя Гликерия, ставши христианкой, решила пострадать за Христа. В день сатанинского поклонения идолу Зевсу явилась она в капище, начертав на лице своем знамение креста. Подумаю про то — слезы сами собой катятся. Стоит она, милая, одна среди сонмища язычников, Бога хвалит, а о язычниках плачет. По ее молению ахнуло громом по идолищу. Зело велик был, а развалился на куски, как горшок какой! Правитель города и жрецы от ярости зафыркали по-кошачьи, за каменья схватились. Всяк небось в том городе хоть раз, да пульнул в святую. Но ни единый камень не поразил ее. Тогда уж что? У всех властей одно лекарство — выпороть да в темницу, но и тут незадача. Палачи подступили к Гликерии — и россыпью от нее, как мыши. Ужасом Господним разметаны были, явился на защиту святой девы сам ангел... Ну, да в покое, однако ж, не оставили. Правитель на ночь-то сам запер милую в темнице, своим перстнем наложил на замки печати.

— Закрой подпол! — завопила вдруг Гликерия Тобольская. — Свечами от тебя, протопоп, несет! Тьфу!

Аввакум, распался рассказом и думая, что блудница его заслушалась, обиделся, умолк.

— Бес с тобой! Послухаю! — смилостивилась неистовая сиделица, и Аввакум, водрузив на себя, как горб, пастырское смирение, тотчас продолжил рассказ:

— Может, с месяц гладом бедную морили. Когда же правитель собственноручно отворил запоры, то увидел — Гликерия жива, здорова, весела, ибо воду и пищу ей носил ангел. Правитель пофыркал-пофыркал да и отправил святую деву в Ираклию. Там долго не думали — ввергли в огненную печь. Но что верующему огонь? В ножки белые поклонился деве да и погас. Опять палачам работа — содрали с головы святой кожу и нагую бросили на острые камни. Нам, маловерам, и толики испытаний Гликерийных не пережить, а святая терпела да молилась. И снова явился к ней ангел, исцелил и красоту не токмо вернул, но и утроил.

— Так ничего ей и не сделалось? — спросили из подпола.

— Ох, милая! Палачи, как сатана, устали не знают. Отдали святую на съедение диким зверям. Первая львица ножки ей языком вылизала, но палачи не умилости-

вились. Тогда Гликерия помолилась Богу, чтоб взял он ее душу на небо. Тут и выпустили на нее еще одну львицу. Исполняя Промысел Божий, львица убила святую, но чтоб разорвать — ни!

— Чего же от нее хотели-то, от тетки моей? — спросила Гликерия.

— Хотели, чтоб идолам поклонилась.

— Ну и поклонилась бы!

— Ох ты Господи! — простонал Аввакум. — Будешь сидеть, пока сердцем не прозреешь, вражды твои уста, сосуд похоти, бесово утешение!

А баба хохотать — допекла протопопа!

Дури ей хватило на три дня.

Одна в дому оставаться Анастасия Марковна побаивалась, соседки к ней приходили, сиживали с рукодельем до обеда, до прихода Аввакума.

Сына Ивана, старшого, гулять выпроваживали. Агрипина с Корнилкой играла, чтоб не напугался. Прокопка сидел, прижавшись к материнским ногам, резал из деревяшек крестики.

А из подполья весь день напролет без устали неслась саженная брань, да такая, что и мужикам ругательским этакое на язык и во сне не навернется.

Марина, бедняжка, от печи не отходила, рогачами да чугунами грохала, но перегрохать подпольную грозу все же не умела и потому повязалась двумя платками, чтоб хоть не всякое поганое слово слышать.

Ночью тоже покоя не было. Протопоп по привычке встанет на молитву, а Гликерия услышит его да и опять за матюги. Только на одной воде, без хлеба, долго не покричишь. Бочки с грибами, капустой, огурцами — рядом, да цепь не пускает.

3

Примолкла Гликерия.

На четвертый день в ужин зарыдала, взмолилась пружалобно:

— Виновата, Петрович! Согрешила перед Богом и перед тобою! Прости меня, грешную! Наука твоя мне надолго.

Аввакум возрадовался, слыша раскаянье, и тотчас велел пономарю вынуть блудницу из погребца.

Вышла бледна, тиха — человек человеком.

— Хочешь ли вина и пива? — спросил ее протопоп, переиначив слова наставительной «Повести о целомудренной вдове».

— Нет, государь! — прошептала Гликерия. — Дай, пожалуйста, кусочек хлеба.

Аввакум еще пуще возрадовался.

— Разумей, чадо! Похотение блудное, пища богатая, питье хмельное рождают в человеке и ума недостаток, и к Богу презорство да бесстрашие. Наедшись и напився пьяна — скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше.

Дал ей свои четки, велел поклоны перед Богом класть. Сам рядом на правиле. За нее же, бедную, и молится.

Гликерия стучит лбом об пол, а глаза-то у нее, как у птицы пойманной, закатываются. Кланялась, кланялась, да и — хоп!

— Силенок нет?! — взъярился Аввакум. — На блуд и мятеж — здорова, а как на молитву — так разлеглась коровой! Пономарь! Шлепов ей!

Пономарь протопопа как огня боялся. Шлепов так шлепов! Не так что сделаешь — отдубасит! На руку протопоп скор, хоть и отходчив.

Колошматил бабу с пристрастием. Да при детях. Не вынес Прокопка чужой боли, заплакал. Тоненько, как сверчок. А у батьки Аввакума у самого слезы на глазах: жалко ему глупую бабу, но ведь не поучи ее — назавтра все забудет.

Поучил, маслом помазал, да и за стол вместе с собой усадил. Ради нее второй раз ужинал.

И снова в подполье.

Наутро, однако, отпустил с миром.

Ушла, лицом посветлев и душою.

Протопоп сильно был доволен.

4

Тут как раз еще один учитель сыскался.

По простоте сибирской поучить дьякона Антона обиженный им Иван Струна явился, много не думая, в церковь во время службы.

Шла вечерня. Народу было немного, день постный, особыми подвигами в святцах не отмеченный.

Вдруг входные двери бухнули, и в клубах белого, особо строгого в тот вечер мороза явилась ватага.

Аввакум как раз из Царских врат выходил. Но и до Царских врат, побивая ладан, докатило перегаром.

Иван Струна скакнул на клирос, дьякона Антона за бороду — и на кулак мотать.

Протопоп как глянул на бесчестье, творящееся в доме Господнем, так и возревновал душою. Словно облак встал дыбом на святотатство.

Поднял Евангелие над головой да и пошел на нечестивцев.

— Отлучу!

Прочь побежали, по-бараньи, дурным скопом. Затворил Аввакум дверь на засов да на замок, и ключ за пазуху. С Ивана Струны вся смелость и сошла вдруг. Бросил Антона и туда-сюда по церкви бегаёт, а в церкви ни своих, ни чужих.

Схватил Аввакум нечестивца и чует — силенка-то в Иване жиденькая. Взяли они с Антоном церковного мятежника под руки, усадили посреди храма, и ремнем, снятым с Ивановых же порток, учил Аввакум Струну собственноручно.

Постегал, а потом и обнял. К покаянию привел.

Дрожал Струна как осиновый лист, всплакнул, запальчивость свою кляня.

С тем и отпустил его Аввакум из церкви.

Отслужи вечерню, домой шел, опираясь на архиерейский богатый посох, даренный княгиней. Ночь была и темна и морозна, а на душе протопопа и свет и тепло. Экий ведь лютый зверь Иван Струна, у него и душа-то чудится лохматой, а поди ж ты, словом Божьим повержен и укрошен.

Домой пришел Аввакум довольный.

Анастасию Марковну в ушко поцеловал.

Прокопку на колени посадил. Весело поглядывая на домочадцев, сказал о Марине, хлопотавшей у печи:

— Ишь какая справная работница у нас выросла. За муж пора!

— Ой! — вспыхнула Марина. — Чуть, дядюшка, из-за тебя чугуна не уронила.

— Так ведь не уронила же! — засмеялся Аввакум. — Значит, и впрямь пора!.. Не тороплю и никого тебе не на-

вязываю. Однако ж приданое помаленьку готовьте и о женихе думайте... Нынче я в Тобольске человек сильный. Протопоп! А завтра — как Бог пошлет.

— Ох, Петрович! — призадумалась Анастасия Марковна. — За сибиряка выдашь, так уж не бывать девушке на родимой стороне.

— А чем же сибиряки нехороши? — удивился Аввакум. — Поглядите, какие дома ставят. В России не у каждого дворянина такие хоромы. Надежный дом — надежная жизнь. В Россию же путь никому не заказан.

Марина поставила на стол горшок со щами и горшок с кашей, чтоб остыла, пока хлебают.

— Грибков достань, — попросил Аввакум, — пристрастился я что-то к грибкам здешним. На наши, волжские, похожи.

Встали на молитву.

И тут на улице под самым окном зафыркали лошади, закрипел снег. Дверь грохнула под ударами.

— Отворяй, протопопишка! Смерть твоя пришла!

Аввакум кинулся к печи, схватил топор:

— Кто?!

— Не узнал?! Сейчас узнаешь!

Это был мохнатенький голос Ивана Струны.

— Отворяй! Хуже будет! — орала с улицы. — Одного тебя утопим в проруби! Не отворишь добром — и кутят твоих туда же!

Домочадцы, оттеснив Аввакума, кинулись загораживать дверь в сенях, потом, навязав полотенца на рогаши, прикрутили дверь в горницу.

Детей одели, отправили в подпол.

Аввакум зажег лампаду, стал под иконы. Молился, кланялся, Анастасия Марковна молилась рядом.

Вдруг зазвонили в колокол.

Бом-бом-бом!

На улице заматюгались, забежали, зафыркали лошади — и все затихло.

— Убрались, — сказала Анастасия Марковна, — не оставил нас Господь!

Аввакум сел на лавку, согнулся.

— Как овца был Иван, когда давеча каялся. А под шкурою овечьей — волк сидел. А может, зря грешу на Ивана. Сродники на мятеж подбили.